

ВЛАДИСЛАВ СУРКОВ

ТЕКСТЫ
97-07

Владислав Сурков

Тексты 97-07

«Европа»

Сурков В.

Тексты 97-07 / В. Сурков — «Европа»,

Сборник статей и устных выступлений, предлагаемый вниманию читателя, является прежде всего сборником политических текстов, с важным авторским уточнением. Помощник Президента РФ, Владислав Сурков настаивает, что и сама политика есть текст. Сегодня тексты политикам пишут анонимные коллективы спичрайтеров, это вошло в традицию. Однако Сурков традицию взламывает. Он выступает перед читателем и как автор собственных текстов, и как автор заложенных в них идей. The collection of articles and oral addresses, offered to the reading audience, is in the first place a collection of political texts, with an important elaboration from the author. RF President's aide Vladislav Surkov insists that politics itself is a text. Today, texts for politicians are written by anonymous groups of speechwriters – this has become a tradition. Surkov, however, is breaking this tradition. He addresses the reader as the author of both his own texts and the concepts they convey.

Содержание

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ	5
РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА. ВЗГЛЯД ИЗ УТОПИИ[1]	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владислав Сурков

Тексты 97-07

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Сборник статей и устных выступлений, предлагаемый вниманию читателя, является прежде всего сборником политических текстов, с важным авторским уточнением. Помощник Президента РФ, Владислав Сурков настаивает, что и сама политика есть текст. Сегодня тексты политикам пишут анонимные коллективы спичрайтеров, это вошло в традицию. Однако Сурков традицию взламывает. Он выступает перед читателем и как автор собственных текстов, и как автор заложенных в них идей.

Идея Суркова о суверенной демократии вызвала острую, еще не законченную полемику. Недругов в России и за рубежом раздражает сам факт, что российский чиновник высокого класса выступает с идейной позицией, как независимый public philosopher, – на что, по мнению антагонистов «режима Путина», он не имеет права.

Однако и весьма почтенные люди возражали автору именем строгой теории: демократия в прилагательных не нуждается! Что совершенно верно – до тех пор, пока демократия для нации остается всего лишь теорией. А политически воплощенная, нашедшая для себя место и укоренившаяся в жизни народа, демократия часто обзаводится прилагательными места и времени. Трактат Аристотеля о демократии Афин именуется «Афинская полития»; школьник в Канзасе изучает учебники по «Рыночной демократии». Вот и русской политической культуре предстоит найти имя для своей амбициозной, героической попытки – обустроить Россию на несокрушимых демократических основаниях.

Тексты политика и теоретика демократии Владислава Суркова провоцируют переход от полемики к откровенному идейному диалогу. А такой диалог, во все времена считавшийся спутником демократии, будет интересен и читателю.

РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА. ВЗГЛЯД ИЗ УТОПИИ¹

Во-первых, хотел бы сразу предупредить, чтобы слово «лекция» и то, что мы находимся в Академии наук, не ввело вас в заблуждение. Мой рассказ будет носить ненаучный характер, а может быть, местами даже антинаучный. Хотя я очень уважаю науку и считаю ее (это прозвучит в моем рассказе) очень важной отраслью для дальнейшего развития России. Я также извиняюсь, что, видимо, не смогу обойтись без некоторых слов, которые мне как чиновнику, может быть, и произносить не пристало. Таких как «холизм», «архетип» и прочее в этом роде. Но, сами знаете, говоря о культуре, трудно держаться в рамках. Итак, давайте поговорим.

Тем из нас, кто любопытен, повезло. Мы живем во времена громадных перемен и больших новостей. Двадцать лет как мы свидетели и участники тревожной и впечатляющей трансформации русского мира. Различия между тем, что было, что есть и что, как предполагается, будет, столь поразительны, что мы часто называем нашу страну новой Россией. Как если бы это был Новый Свет – или новый дом.

Между тем мы не за морем, место обитания не поменяли. Новое здание российской демократии строится на историческом фундаменте национальной государственности.

Можно спорить об особенностях планировки и отделки. Кому-то по душе имперский стиль, кому-то – мещанский, есть любители футуристических экспериментов. Но как бы ни поменялся дизайн нашего дома, главные его пропорции и отличительные черты предопределены, как мне кажется, фундаментальными категориями и матричными структурами нашей истории, национального самосознания, культуры.

Новый демократический порядок происходит из европейской цивилизации. Но при этом из весьма специфической российской ее версии. Он жизнеспособен в той мере, в какой естественен, то есть национален. Если не отрицает русскую политическую культуру, а принадлежит ей и развивается не вопреки, а вместе с ней.

Демократия в нашей стране в чем-то «как у всех», а в чем-то своеобразна. Так же как универсальны, похожи, но при этом и уникальны, своеобразны модели наиболее успешных демократий Америки, Европы и Азии.

Чтобы понять, как будет развиваться демократия в России, какая ее модификация применима здесь на практике, нужно определить архетипические, неотменяемые свойства русской политической культуры. Политическая же культура – это одно из проявлений культуры как таковой, в широком и высоком смысле. Стереотипы современной политики воспроизводятся с уникальной матрицы национального образа жизни, характера, мировоззрения.

Попробуем уяснить, какова эта матрица. Какой форме сознания соответствует? Какой способ узнавания и преобразования мира задает? Короче, что есть русская культура?

Ответов может быть множество, но я не решусь дать ни одного от себя. Приведу удивительное по краткости и глубине определение Ивана Ильина: «Русская культура есть созерцание целого». Что-то похожее находим и у Николая Бердяева: «Русские призваны дать... философию цельного духа... Если возможна в России великая и самобытная культура, то лишь культура религиозно-синтетическая, а не аналитически-дифференцированная». О том же у Евгения Трубецкого: «Русским более свойственно познание мира религиозной интуицией как органического целого в отличие от Запада, где философы проникали в тайны мира, расчлняя

¹ Лекция, прочитанная в Российской академии наук 8 июня 2007 года.

его рассудком на составные части для анализа...» И это не обособленное мнение мыслителей одной школы. Великий человек другой эпохи и совсем других взглядов, скептик и, кажется, атеист Иосиф Бродский писал о «русском хилиазме», предполагающем «идею перемены миропорядка в целом», и даже о «синтетической (точнее: не-аналитической) сущности русского языка»².

То есть мы видим, что русское культурное сознание описано как явно холистическое, интуитивное – и противопоставленное механистическому, редукционистскому. Характерно, хотя и спорно, противопоставление русского типа мышления не просто редукционистскому, а редукционистскому именно как западному, то есть не без геополитического подтекста.

По этой версии в нашей мыслительной и культурной практике синтез преобладает над анализом, идеализм над прагматизмом, образность над логикой, интуиция над рассудком, общее над частным. Что, понятно, не означает, будто у русских нет аналитических способностей, а у народов Западной Европы – интуиции. Еще как есть! Тут вопрос соотношения. Русского, скажем так, в большей степени интересует время, а чертеж будильника – в меньшей.

Итак, в основе нашей культуры – восприятие целого, а не манипулирование частностями; собирание, а не разделение. Воспользуемся этим предположением как аксиомой для определения параметров реальной политики.

На мой взгляд, названная фундаментальная данность наделяет российскую политическую практику как минимум тремя яркими особенностями.

Во-первых, это стремление к политической целостности через централизацию властных функций. Во-вторых, идеализация целей политической борьбы. В-третьих, персонификация политических институтов. Опять же все эти вещи имеются и в других политических культурах, но в нашей несколько сверх средней меры.

Сильная центральная власть на протяжении веков собирала, скрепляла и развивала огромную страну, широко разместившуюся в пространстве и времени. Проводила все значимые реформы.

При этом холистическое мировосприятие позволяло русской культуре гибко взаимодействовать с культурами других российских народов. Интегрировать, не разрушая, все многообразие их обычаев, сохранять целостность пестрого общего мира.

В наши дни смещение власти к центру стабилизировало общество, создало условия для победы над терроризмом и поддержало экономический рост.

Не так уж важно, стала ли российская модель централизованного государства следствием «моноцентристского» архетипа национального бессознательного или сам этот архетип сложился под прессом исторических обстоятельств. В любом случае наличие могущественного властного центра и сегодня понимается большинством как гарантия сохранения целостности России, и территориальной, и духовной, и всякой.

На практике: стягиванию российских земель к центру, в единое целое государство служит процедура наделения губернаторов полномочиями по представлению президента, а также административный аппарат федеральных округов и централистские тенденции межбюджетных отношений. Собираение разрозненных политически активных групп в крупные, общенационального калибра партии обеспечивается пропорциональной моделью парламентских выборов. Запрет создавать политпартии по региональному либо религиозному, профессиональному признаку подчеркивает, что партии должны не только разделять избирателей по взглядам и убеждениям, но и объединять их вокруг общих ценностей. Избирателей – разделять, народ – соединять. Таким мог бы быть принцип российской многопартийности.

² Такая точка зрения распространена и сегодня. Например, по словам известного современного писателя и интеллектуала А. Бычкова «русское сознание более целостно, религиозно, мистично, магично. (...) Русское сознание синтетично...» НТ-Exlibris. № 7 (452) от 28 февраля 2008 г.

Президент, находясь в центре демократической системы, является гарантом демократической Конституции и сбалансированности разделенных властей – исполнительной, представительной и судебной.

Нарушение этого баланса, неосторожная и несвоевременная децентрализация всегда будут ослаблять российскую демократию. Порождать хаос и деградацию социальных институтов, структур демократической власти. Их будут в таких случаях подменять, как уже бывало, олигархические клики и вненациональные организации.

На практике: и понятие центра власти, и методы централизации, и способы сохранения целостности меняются во времени. Они становятся нелинейными, смягчаются, усложняются. Но в некоторых политических культурах роль центральной власти неизменно велика, например во Франции. В США прямо культ института президента. Главу государства там часто называют самым могущественным человеком на планете. Попастъ же на высшие государственные посты, не связав карьеру с одной из двух вечно правящих партий, образующих непробиваемую политическую дуополию федерального центра, просто невозможно. Свободное общество, кажется, заинтересовано в сильной и устойчивой центральной власти.

О персонификации политических институтов. Она очевидна. Говорят, в нашей стране личность вытесняет институты. Мне кажется, в нашей политической культуре личность и есть институт. Далеко не единственный, но важнейший.

Холистическое мировосприятие эмоционально. Оно требует буквального воплощения образов. Доктрины и программы, конечно, имеют значение. Но выражаются прежде всего через образ харизматической личности. И только потом с помощью букв и силлогизмов.

На практике: самые массовые политические партии едва различимы за персонами их лидеров. Мы говорим партия – подразумеваем имярек. Крупнейшая общественная организация в стране, «Единая Россия», считает своим лидером президента, а свою программу называет «план Путина». Некоторые партии и представить нельзя без их вождей. Может быть, поэтому так редко эти вожди меняются. Геннадий Зюганов и Григорий Явлинский возглавляют КПРФ и «Яблоко» более 14 лет, Владимир Жириновский ЛДПР – около семнадцати.

Несколько слов о русском идеализме. Идеализм – главное, что до сих пор поднимало и, видимо, будет поднимать русский мир на новые орбиты развития. Если же идеальная цель теряется из виду, общественная деятельность замедляется и расстраивается.

Русскому взгляду свойственна романтическая, поэтическая, я бы сказал, дальнорзорность. Что рядом – покосившийся забор, дурная дорога, сор в ближайшей подворотне – видится ему смутно. Зато светлая даль, миражи на горизонте известны в подробностях. Уделяя больше внимания желаемому, чем действительному, такой взгляд на вещи приводит к поискам единственной правды, высшей справедливости. Создает ощущение если не исключительности, то особенности, непохожести на соседей. Эта непохожесть и тяготит, и необыкновенно вдохновляет. Этот поиск своей, особенной правды, потребность жить своим умом заставляет действовать подчеркнуто самостоятельно. Вся история России от Ивана III – манифестация интеллектуальной независимости и государственного суверенитета.

Идеализму свойственно желание обращать в свою веру, мессианство. Третий Рим и Третий интернационал были мессианскими концепциями. Без сомнения, мессианство нам сейчас ни к чему, но миссия российской нации требует уточнения. Без утверждения роли России среди других стран (скромной или заметной – вопрос обсуждаемый), без понимания, кто мы и зачем мы здесь, национальная жизнь будет неполноценной.

На практике: в мае этого года ФОМ провел социологический опрос, результаты которого показывают, что уровень общественного доверия к политическим институтам прямо определяется степенью их персонификации и близости к верховному центру.

Так, непосредственно самому этому центру, президенту, в большей мере, чем прочим властям, доверяют 55% опрошенных. Предпочитают рассчитывать на руководителя области, края, республики – 20%. И лишь 8% связывают свои надежды на лучшее с главой своего города, поселка.

У почти обезличенных судов положение поскромнее. При этом Верховному и Конституционному судам доверяют 10-11%, в пять раз больше, чем районным и областным с их 2%. Наименьшим доверием в сравнении с другими властями располагает представительная власть, образ которой размыт. Но и здесь Федеральное Собрание (4%) оказывается значительно популярнее местных парламентов (2%).

Выходит, чем выше и дальше власть, тем больше ей доверяют. На власть по соседству, близкую и доступную, наши люди особенно не надеются. Возможно, оттого, что знают ее лучше, что она прозаична. Наоборот, власть высокая и далекая легко мифологизируется, идеализируется, персонифицируется и вписывается в моноцентрическую модель политического пространства.

Если централизация, персонификация и идеализация признаются нами в качестве трех особенностей политической культуры, давайте посмотрим, как нам, таким особенным, с этим всем жить.

В обыденном сознании слово «культура» ассоциируется с чем-то однозначно добрым и умным. Беседы о Сергее Рахманинове – это культурно. Современный курортный сервис – очень культурно. Вечер в опере – очень и очень. Однако культура и цивилизация куда просторнее музейных залов и театральных буфетов. Системы принуждения, аппараты манипулирования, войны, хронические социальные патологии, предрассудки, идиотские теории, разорительные авантюры, увы, тоже входят в комплект.

Для людей и их сообществ культура – это судьба. А судьба может складываться по-разному. И от нее, как известно, не уйдешь. Нужно использовать шансы и преимущества, которые она дает. Можно спорить с ней, влиять на нее, добиваться изменений. Но при этом нельзя игнорировать налагаемые ею запреты и ограничения. Культура проявляется и в том, что говорят, и в том, о чем говорить не принято. На каждом временном отрезке она создает и поощряет одни стереотипы поведения, разрушая и подавляя другие. Каким-то нашим устремлениям потворствует, каким-то – мешает. Те, кто понимает культуру как сферу игры, знают, что смысл любой игры – не только развлечение и обучение, но и испытание.

Вот и наша политическая культура не только дает обществу средства от стрессов и для решения проблем, но и сама может порождать стрессы и проблемы. Ее свойства, в том числе и отмеченные выше, не хорошие и не плохие. Они просто такие, какие есть. Полезными и вредными делаем их мы сами. Все – яд, и все – лекарство. Вопрос в дозе и уместности применения. Например, централизация может принести огромную пользу, о чем уже говорилось. Централизация чрезмерная, не отвечающая необходимости, – привести к деформации системы власти, ослаблению частной инициативы, а с ней и основ парламентаризма и самоуправления.

Минимальный, 2-4% рейтинг доверия к представительной власти, обнаруженный ФОМ, предсказан Николаем Гоголем полтора века назад: «Вообще, мы как-то не создались для представительных заседаний... Во всех наших собраниях... если в них нет одной главы, управляющей всем, присутствует препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно уж народ такой, только и удаются те совещания, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать...»

Отсюда и избыточная персонификация коллегиальных структур.

Сильные личности часто компенсируют слабую эффективность коллективов, дефицит взаимного доверия и самоорганизации. Ведь русский сверхколлективизм, по-моему, вымысел чистой воды.

На практике: кто из вас пытался хоть раз уговорить соседей общими средствами установить в подъезде домофон, тот знает, как дорого дается минимальная коллективизация. А как у нас водят машины? Поперек дороги, по встречной, в пьяном виде, бессмысленно и беспощадно. Коллективист так не водит. Он уважает других членов коллектива.

Мне кажется, в нашем обществе преобладают индивидуалисты. А за коллектив время от времени люди прятались по необходимости – от власти, от ответственности, от принудительного труда.

Что до нашего идеализма, то без прагматического заземления, в неохлажденном виде он в повседневном применении ненадежен, а иногда и опасен.

Если вы рационально мыслите, то как бы разбираете мир на части. И потом собираете из этих частей что-то практически полезное, попутно изобретая недостающие детали. Так действует рационализм. Идеализм – иначе. Когда образ мира целостен и неделим, требуются вера, эмоции, интуиция. Если же вера исчезает и образ распадается, идеалист не тратит времени на починку мира. Он сразу отказывается от этого мира целиком и тут же придумывает себе новый мир, такой же целостный, блистательный и неподвижный. И возникает очередная вера, новая страсть.

Когда-то мы должны были построить коммунизм. Думали, сейчас построим и потом делать ничего не будем. Но надо очень быстро построить коммунизм, чтобы поскорее ничего не делать. Ведь на средненародном уровне представляли коммунизм именно так: это место, где делать ничего не надо и где все при этом есть. Точно так же о демократии сейчас говорят, часто слышу: надо построить демократию. И это предполагает какую-то конечность: вот теперь у нас демократия, она случилась, можно всем расслабиться и получать удовольствие. Это все равно что сказать: теперь нам надо построить человека. Человек, он все время развивается, в худшую или в лучшую сторону, другой вопрос. Он не статичен, и нет ничего статичного. Но таково свойство идеалистического подхода к жизни – измышлять миры и пытаться их установить на земле.

Созерцательность наша, порой принимаемая за лень, ведет к тому, что нюансы, подробности, частности, нудные расчеты и механизмы реализации не анализируются. Будущее должно наступить одним махом и в полном объеме, а как его достичь – это детали, что голову забивать, все ерунда по сравнению с мировой революцией, как выражались идеалистически настроенные головорезы.

Один мой знакомый говорит: «Чего нельзя сделать за две недели, нельзя сделать никогда». Очень наша мысль. Все, разом, здесь и сейчас. Две недели, пятьсот дней, коммунизм в 1980 году. Если не получится, идеалист злится и впадает в депрессию и цинизм разочарования. Реформы Петра, февральские грезы, большевистские мегапроекты, перестройка. Потом либеральные реформы, мечты о прекрасном Китеж-сити русского капитализма. Все второпях, в ослеплении идеей. В раздражении чрезвычайном от вязкой реальности. В отчаянной уверенности в близком конце света, гибели старого мира (монархии, буржуазной демократии, советской власти) с его скукой, насилием, бедностью, несправедливостью. В наивном уповании на прекрасную новую жизнь, где все станут полеживать на боку, на заслуженном (как же – страдали!) отдыхе. Предоставив труды и хлопоты всесильному учению, мировой революции, общечеловеческим ценностям, невидимой руке рынка и прочим разновидностям скатерти-самобранки. Такая вот эсхатология незатейливая.

Отсюда судороги и конвульсии больших скачков – способ передвижения малоприятный. Но и сегодня – одни обещают увеличить пенсии сразу вчетверо. Другие – зарплату впятеро. Третьи требуют еще побольше демократии, плохо разобравшись, что это такое, придумав себе простенький образ и желая соответствия. И немедленно. Сделать это по-быстрому, отмучиться поскорее, чтобы опять впасть в созерцательное оцепенение.

Вообще

присущий нашей политической культуре примат целого, общего над частным, идеального над прагматическим, практическим приводил не однажды в нашей истории к пренебрежению такими «частностями» и «подробностями», как жизнь человека, его свобода, достоинство и права.

Охранительные и патерналистские настроения, чрезмерно усиливаясь, подавляли активную общественную среду, приводя к дисфункции институтов развития.

Возможно, поэтому многим размашистым либералам сегодня кажется, что русская политическая культура – архаичный продукт невежества и отсталости. Что все без исключения наши политические привычки и обычаи отягощают жизненный уклад и тормозят прогресс.

Даже докатившись до такой точки зрения (а до нее многие докатились), следует продолжить разговор. Следует ответить, является ли в таком случае русская политическая культура тем, что непременно нужно преодолеть и забыть?

Кажется, Жан-Жак Руссо задним числом упрекал Петра Великого в том, что он пытался сделать русских голландцами или немцами вместо того, чтобы дать им быть русскими и развиваться в этом качестве. Известно, что Павел I хотел наделать из русских солдат пруссаков. Большевики перерабатывали сотню этносов в советскую общность. Перестройщики – в невиданную расу общечеловеков. Реформаторы 1990-х к словам «русский» и «национальный» относились настороженно.

Все эти деятели, великие и не очень, не смогли, как ни старались, преодолеть «национальное, слишком национальное». Хотя бы потому, что сами были частью России. Их реформы удавались лишь в той мере, в какой опознавались как свои, как приемлемые российской культурой. Все несовместимое с жизнью нашей культуры, задевающее ее фундамент всякий раз болезненно отторгалось.

Стоит ли пытаться еще? Стоит ли уподобляться герою Федора Достоевского, который застрелился, решив, что в качестве русского и жить-то не стоит?

У каждого из нас и у нас вместе – множество вариантов будущего. Но это множество не бесконечно. Оно ограничено генетической формулой национальной культуры.

Безусловно, культура – живой организм, ее границы, ее внутреннее пространство и даже основы эластичны, подвижны и проницаемы. Но уникальное сочетание некоторых ее качеств неизменно, упорно воспроизводится во всех масштабах и на всех уровнях общества, и во все времена.

Еще раз: «культура – это судьба». Нам Бог велел быть русскими, россиянами. Так и будем, будем. Будем учитывать проблематику и будем использовать преимущества нашего национального характера и нашей политической культуры для создания конкурентоспособной экономики и жизнеспособной демократии.

Представим себе человека порывистого, увлекающегося, наделенного богатым воображением. Мы можем сказать о нем: непрактичен, непоследователен, ленив, непостоянен, таких не берут в бухгалтеры. О том же самом человеке можно сказать: творческая личность, решителен в достижении важных целей, амбициозен, энергичен и самоотвержен, годен для управления проектами, экспериментальной деятельности, творческой работы. Такой человек может стать плохим бухгалтером или хорошим режиссером. И в том и в другом случае он должен работать над собой, развивать свой характер, даже вырабатывать новые его качества, а какие-то качества, допустим, сдерживать. Но это будет именно работа над собой, а не отказ от собственного я. Пусть он сам решает, кем быть. Но пусть при этом подумает, в какой работе его личные качества проявятся как достоинства, а в какой – как недостатки. Так же, выбирая пути

развития нашей демократии и экономики, мы должны думать, на каком из этих путей особенности нашего национального характера и культуры покажут себя с наилучшей стороны.

Мы можем гордиться нашей политической культурой. Именно она предсказала и принесла России демократию. Она располагает достаточным потенциалом для выработки российской демократической модели. Для развития собственного, но при этом понятного для других политического лексикона. Для сообщения самим себе и внешнему миру образов и смыслов, без чего нация в историческом измерении не существует. И мы можем говорить о собственном опыте демократии своими словами. Потому что кто не говорит, тот слушает. Кто слушает – тот слушается.

К ворчанию и окрикам из-за границы по поводу наших внутренних дел следует относиться с пониманием: ворчащим и кричащим нужна такая демократия в нашей стране, чтобы им было лучше жить. А нам с вами – такая, чтобы лучше жить было нам. Всему нашему народу. Чего и другим народам желаем.

Некоторые говорят, что в 1990-е на Западе Россия считалась демократией. Это какой-то дефект памяти. Конечно, нашу слабость тогдашнюю и бестолочь поощряли. Но слабость и бестолочь – еще не демократия.

На практике: «Интернэшнл геральд трибьюн», 1994 год: «Режим [в России] не тяготеет к демократическому транзиту, предполагающему рыночную экономику и политическую демократию». «Вашингтон пост» в 1998 году называет порядки в России «разваливающейся непредсказуемой автократией». «Вашингтон инквайр» тогда же – «недемократическим режимом». «Форбс» годом позже – «государством гангстеров».

Николай Данилевский писал давным-давно, что заграничная публика Россию не знает или «лучше сказать, знает так, как знать хочет, – то есть как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости и презрению». Рассказы о том, что нынешнее беспрецедентное давление на Россию вызвано недостатками нашей демократии – вздор, глупость.

Гораздо умнее разглядеть за этими разговорами иные причины и цели – контроль над природными ресурсами России через ослабление ее государственных институтов, обороноспособности и самостоятельности. Но и это будет некоторым упрощением. Вот что пишет современный исследователь проблем идентичности Ивэр Нойманн: «...безотносительно к тому, какие социальные практики приобретали важность в тот или иной период (религиозные, телесные, интеллектуальные, социальные, военные, политические, экономические или какие-то иные [добавим от себя – демократические]), Россия неизменно рассматривается [Западом] как аномалия». И добавляет: «Поскольку исключение – это необходимая составляющая интеграции... возникает соблазн подчеркивать инаковость России ради интеграции европейского я». Все, что мы сейчас видим в реальной политике, все эти расширенные НАТО, средства ПРО, которые надо обязательно размещать, это, конечно, во многом сделано для консолидации Западной и Центральной Европы вокруг одного, кстати, внеевропейского центра. Для этого нужен миф о каком-то неблагонадежном элементе на окраине, о варварах, которые ходят вдоль границы и издали помахивают своими азиатскими кулаками.

Мне кажется,

наши трудности с Западом – это трудности перевода, трудности общения однокоренных, но глубоко различных по духу европейских культур.

Их причины сложнее просто экономических, просто военных, просто стилистических, просто политических.

Негативная информация о России всегда легче усваивалась в Западной Европе, чем позитивная. Недоверие веками составляло почву отношений. За злободневными придирками, поучениями и причитаниями скрыты фундаментальные недоразумения, конфликт архетипов,

культурный диссонанс. Давнее соседство и смутно ощущаемое дальнее родство по религиозной линии только усиливают раздражение. Разногласия между близкими людьми, как известно, эмоционально насыщенные, чем между малознакомыми и безразличными друг другу.

Преодолимы ли культурные противоречия? Полностью – вряд ли, но сближение культур возможно и необходимо. Россия заинтересована в таком сближении, поскольку без доступа к интеллектуальным ресурсам Запада создание инновационной экономики кажется невозможным. Сближение культур не означает их унификации и отрицания их многообразия. Кому нужен мир, в котором все люди, нации и демократии на одно лицо? Это была бы вещь потоскливее коммунизма.

Да, демократия в России несовершенна. А где совершенна? Да, много чего ей не хватает, и есть чему учиться у Запада. И модерности, и гуманности, и спонтанности.

Самоуправление у нас вяловатое. Вертикаль неказистая. Общество какое-то малогражданское. И вот еще коррупция какая-то неизящная у нас, типа «украл, выпил, в тюрьму». Простоватая, не такая утонченная, как в более продвинутых странах.

Даже если так, это наши проблемы. И никто их за нас не решит.

Выдающийся американский политический мыслитель Джордж Кеннан еще в 1951 году писал: «Пути, которыми народы достигают достойного и просвещенного государственного строя, представляют собой глубочайшие и интимнейшие процессы национальной жизни. Иностранцам эти пути часто не понятны, и иностранное вмешательство в эти процессы не может принести ничего, кроме вреда». Не все в Вашингтоне, кажется, читали Кеннана. А жаль.

Каждому народу его культура предоставляет уникальный код доступа к будущему. Ответы на вопросы, как пройти в новый век и как там быть, нужно искать в собственном культурном пространстве. Если что заимствовать извне, то идеи, а не штампы, живые мысли, а не дохлые схемы. То, что питает и обогащает нашу культуру, а не засоряет ее. Чтобы стало сладко, нужно съесть конфету, а не фантик. Чтобы лучше усвоить свободу, нужно извлечь суть и пользу из зарубежного опыта, а не жевать с трагическим лицом наемного правозащитника фантики и ценники импортной демократии.

За пределами собственной культуры будущего у России нет. Российская демократия – не обноски с чужого плеча. Формирующая демократию воля к свободе и справедливости вырабатывается и закрепляется как природное свойство национального характера. Хотел бы разбавить доклад небольшим рекламным объявлением: концепция суверенной демократии наилучшим образом соответствует основам русской политической культуры.

По нескольким причинам.

Первое. Она оправдывает централизацию, концентрацию властных, интеллектуальных и материальных ресурсов нации в целях самосохранения и успешного развития каждого в России и России в мире. Она синтезирует, собирает, соединяет идеи и понятия, противопоставляемые в повседневных политических диспутах. Свобода и справедливость, права и обязанности, конкуренция и кооперация, индивидуальное и национальное, глобализация и суверенитет совместимы и достижимы без разделения.

Второе. Суверен-демократический проект предусматривает изменение социальной системы, придание российскому обществу большей гибкости, динамичности, восприимчивости к позитивным переменам. Смягчение политической структуры позволит ей развиваться не рывками и скачками, как прежде, а путем, если так можно выразиться, топологических преобразований, то есть без разрывов и потерь. Без ущерба для целостности российской нации.

Третье. Текст о суверенной демократии персонифицирован, поскольку интерпретирует курс президента Путина.

Четвертое. И, наконец, предсказывая России и миру гармоничное будущее, встречая скепсис и недоумение, эта концепция представляется весьма идеалистической, может быть, даже утопической.

Какой же прок от утопии? Где здесь прибыль? Уточню, понимаю под утопией не то, чего нет и быть не может, а то, чего нет, но что желательно и в принципе возможно. В одном официальном американском документе есть такой девиз: наши цели идеалистичны, средства реалистичны. Разница потенциалов действительного и желательного, реального и идеального, по моему, как раз и создает то напряжение человеческих сил, в результате которого возникают и развиваются культура и цивилизация.

Механистические суждения о культуре сводят ее к сумме накопленных сведений, материальных ценностей и произведений искусства. Трактуют как традицию, наследство, полученное из прошлого. На самом деле культура существует по обе (точнее, по все) стороны настоящего. Будущее включено в ее пространство так же зримо, как и прошлое. Кино и литература, философия и религия, экономика и экология переполнены проектами, предчувствиями, видениями, исследованиями будущего. При этом почему-то принято думать, что о будущем мы знаем гораздо меньше, чем о прошлом.

В силу этого, отчасти спорного, предположения опыт прошедшего времени, как правило, оказывает подавляющее влияние на организацию текущей деятельности. Кто-то сказал: генералы всегда готовятся к прошлой войне. Чтобы, не дай бог, не обидеть какого-нибудь генерала, давайте признаем, что и многие из нас, людей сугубо гражданских, видят сегодняшний день из прошлого. И почти не учитывают в процессе принятия актуальных решений возможные конфигурации будущего. Поэтому мы так долго топчемся в индустриальной эпохе, все уповаем на нефть, газ и железо. Поэтому постоянно догоняем – то Америку, то самих себя образца 1989 года, а то и вовсе Португалию. Гоняемся за прошлым, то чужим, то своим. Но если предел наших мечтаний – советские зарплаты или евроремонт, то ведь мы несчастнейшие из людей.

Чтобы сделать наши планы более интересными, амбициозными и реалистичными, нужен новый метод. Нужно, чтобы будущее влияло на актуальную политику сильнее, чем прошлое. Нужно диагностировать и корректировать существующее положение с позиций предстоящего.

Назовем такой способ оценки и постановки задач «взгляд из утопии», из желательного будущего.

Какое будущее желательно? (Отметим с сожалением в скобках, что среди популярных футурологических брендов последних десятилетий – «постиндустриальное общество», «конец истории», «плоский мир», «цивилизация третьей волны» и прочее – нет ни одного российского происхождения.) Думаю, всех (ну, почти всех) устроит мир без войн, сообщество суверенных демократий, процветающих и живущих по справедливым законам, когда, как писал Александр Пушкин, «народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Есть, правда, радикальные мечтатели, которые говорят, что и самих народов не будет, и наций, а будет одна сплошная глобализация. Возможно, они правы, но лично мне не интересно будущее, в котором нет ничего русского. Будущее без России не стоит того, чтобы о нем говорить. В качестве компромисса давайте помечтаем о глобальной федерации, основанной на договорных отношениях свободных наций.

Все субъекты такой федерации должны быть равны, что не означает ее культурной и экономической однородности, некоторые будут равнее. Хотелось бы, чтобы Россия как субъект утопической глобальной федерации была регионом-донором, нацией-лидером, одним из центров интеллектуальной активности. И вот вопросы к нам всем. Хотим мы включения в так называемую цивилизацию третьей волны или останемся ржаветь в индустриальной, на задворках глобальной экономики до скончания века и нефти? Хотим ли мы неуклонно стремиться к смягчению нравов в политике и в быту или предпочтем ходить строем?

Если хотим, то давайте взглянем на себя из наилучшего будущего. Из глобально значимой национальной экономики интеллектуальных услуг. Из процветающей суверенной демократии.

Что мы увидим? Увидим бурно ветвящуюся бюрократию, прилипшую к нефтяной трубе. Увидим, что на руководящих позициях в нашем обществе и в частном секторе, и в государственном критически мало людей, настроенных на третью волну. Что сырье ценится дороже знаний. Что культура и образование еще не стали основой экономики и политики. И по-прежнему считаются нерентабельной «социалкой», периферией сырьевого комплекса. И нет понимания, что не существуют отдельно, сами по себе политические, экономические, военные имущества. Они всегда часть и следствие культурного превосходства.

Давайте посмотрим на мировое хозяйство как на большой завод. На этом заводе есть цеха первичной переработки, где в пыли и в чаду трудятся рабочие низшей квалификации. Есть сборочный цех, где люди в белых халатах, рабочая аристократия, производят готовые изделия. Есть бухгалтерия, инженерное бюро, где работают специалисты с высшим образованием. А есть дирекция и правление. Там заседают самые умные.

Где же наше с вами место на этом международном предприятии? Маловероятно, чтобы кому-то в мире пришло в голову обратиться к нам за новой технологией, качественными финансовыми услугами, эффективным управлением, кассовым фильмом, модной одеждой. На нашу страну выходят, чтобы купить нефть, газ, пресловутый лескругляк. Стало быть, в мировом разделении труда мы не инженеры, не банкиры, не дизайнеры, не продюсеры и управляющие. Мы – бурильщики, шахтеры, лесорубы, то есть довольно чумазые ребята с рабочих окраин. Конечно, всякий труд почетен, но все же – почему так? Мы ведь считаем себя высокообразованным и высококультурным народом.

Что же мы, такие образованные, с нашим-то красным дипломом кормим комаров на нефтеносном болоте? Такие культурные и одаренные, соплеменники Николая Гоголя, Игоря Стравинского, Ильи Пригожина, потеем на карьере и в забое. Может, мы не доросли до высоты нашей национальной культуры? Может, не все в порядке с образованием?

Руководитель одной из крупнейших энергетических корпораций рассказывал, что до недавнего времени (не исключено, что и по сей день) ни в одном профильном вузе России не было ни одного специалиста по парогазовой электрогенерации и ни одной соответствующей установки для наглядного изучения этой технологии. Между тем, не вдаваясь в детали, нужно отметить, что данная технология вполне банальна, имеет сегодня широчайшее применение повсюду в развитых странах. Чему же учат студентов? У них нет возможности не только заглянуть в будущее энергетики, но даже и толком узнать ее современное состояние. Один губернатор обнаружил, что в сельхозтехникуме слушатели получают представление о тракторах на примере машин, снятых с производства еще в 1960-х годах. То есть система образования за малым исключением производит специалистов для экономики прошлого века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.